

Оглавление

Часть I. ОХОТА	5
Буря	13
Другой голод	21
Встреча	29
Поединок	38
Эльфеды	57
Голод прошлого	70
Не в своем уме	84
Голод пути	95
Часть II. ЯРОСТЬ	106
Пиршество	114
Голод победы	124
Озеро	136
Черные линии	145
Вера предводителя	160
Видения адмирала	169
Неизбежная жертва	178
Голод битвы	194
Власть голода	210
Голод предательства	229
Часть III. ПУТЬ ОБРЕЧЕННЫХ	246
Голод цели	261
Из пепла и старой кожи	274
Сказания прошлого	287
Новое чувство	303
Осколки мира	320
«Ты должен дойти...»	335

Часть IV. НЕНАСЫТНАЯ БОЛЬ	348
Голод славы	360
Цена чудес	374
Голод разума	389
Город Рехи	409
На крючке	426
Часть V. ГОЛОД НЕЗНАНИЯ	440
Покровы тайны	458
Голод бессилия	478
Голод прозрения	496
Путь домой	514
Обретение	527
Голод правды	540
Воля пустоши	558
Голод души	575
Эпилог	602

ЧАСТЬ I

ПОСВЯЩЕНИЕ

Охота

Рехи родился через три сотни лет после Великого Падения. Он не помнил ни единого лучика света, ему казалось, что ночь, сменяемая на короткое время красноватыми сумерками, длилась вечно. Плотный покров бугристых облаков сливался на горизонте с шершавыми камнями пустоши. Рехи не понимал разговоров стариков о мифических рассветах и закатах. К тому же эльфийская молодежь не слишком любила слушать старинные легенды: большую часть жизни занимала охота. Рехи не задумывался, нравится ли ему бесконечно рыскать по пустоши, отплеывая черный песок пополам с пеплом. Просто гибкое жилистое тело, испещренное шрамами, вечно хотело есть. Голод родился вместе с ним и с того дня сопровождал неизменным спутником.

Все просто: охота — еда; еда — нет голода. Рехи не охотился в одиночку. Вместе с ним всегда шли еще пять-шесть эльфов: молодых парней и девушек. Взрослели все очень рано, и мало кому удавалось дожить до седин. Да и зачем? Сморщенные старцы, уцелевшие со времен мифического Солнца, красиво ввали, будто раньше эльфы жили по триста лет. Сказали бы еще эти выжившие из ума развалины, что эльфы когда-то не пили человеческую кровь.

Еще рассказывали, будто до Падения росли цветы, колосились поля, а по земле не бродили жуткие монстры. Значения половины слов из рассказов Рехи совершенно не понимал. Что такое вообще «поля» и «цветы»? Он представлял родную пустошь, горький песок, грубые камни... Как выглядели иные предметы и пейзажи, мало кого интересовало.

Да и до легенд ли, когда группа эльфов снова пробиралась знакомой тропой к деревне людоедов, а на горизонте кружилась медленно приближающаяся буря? Хотелось успеть и поесть, и найти укрытие. Оставалось все меньше времени на стремительную атаку.

«Кажется, будет хорошая добыча», — размышлял Рехи, рассматривая из-за скалы ничтожное поселение-лагерь. Глаза, привыкшие к крошечному мраку, раздражал отдаленный огонь костров. Источники света всегда ужасно мешали, как и источники тепла. В их деревне из шести домов никому не требовалось укрываться одеялами или разводиться огонь. Ледяная кожа не просила прикосновений тепла, пищу тоже не готовили. А острые клыки служили только для того, чтобы прокусывать шеи. Говорили, что во времена Солнца у эльфов не было клыков. И они не пили кровь. А чем тогда питались? Мифическими цветами? Рехи посмеивался над этой мыслью. Он никогда не оценивал, была ли та жизнь прекраснее или легче.

Когда-то его выпихнули в этот мир, и он не сказал бы точные день и год, соплеменники не запомнили. Рассказывали, мать Рехи умерла сразу после его рождения, а об отце никто не слышал. Его вырастила деревня, все понемногу. Охотиться он учился по большей части сам.

Старики говорили, что возраст Рехи — «четыре руки»: четыре раза по пятерне. «Четыре руки» времени он терпел тычки более сильных, более взрослых, но таких же голодных ребят и охотился. Слабых эльфят не кормили, крови людей не хватало и сильным воинам. Рехи доказывал раз за разом свое право питаться — право на жизнь. И вот теперь уже его собственный отряд спускался в долину. Бесшумно наступая на грибные грядки, тенью скользил к деревне людей.

— Думаешь, вооружены? — спросила коротко Лойэ, девушка из отряда, такая же жилистая, покрытая узором шрамов. С ней на днях удалось провести пару веселых часов, хотя в детстве Рехи ловил от нее оплеухи. А теперь в порыве страсти Лойэ чуть не прокусила ему левое плечо. Впрочем, больше их ничего не связывало.

— Как обычно, — небрежно фыркнул Рехи. Здесь его считали за предводителя, он направлял отряд. Уже, наверное, пять раз они выходили вчетвером. Загибая пальцы, Рехи мог посчитать до десяти. Этого всегда хватало. Ведь если врагов больше десяти, то самая верная тактика — бегство. Но ныне в людской деревне оказалось всего три воина в шкурах, четыре женщины и пятеро человеческих детенышей.

— У меня идея... А если затащить одного из них... к нам? Вон того, мелкого. Ну, как мешок с едой! — воодушевленно повышая голос, за-

явил парень из отряда. Рехи помнил, как они вместе росли, просили у деревенских еду, потом пошли на охоту. Одновременно вонзили клыки в шею человеческой старухи. Ее кровь была мерзкой на вкус. Кровь детенышей им нравилась больше, но те быстрее умирали.

— Тихо! Чтобы у него была кровь, его чем-то кормить надо, а из трупа пить — сам сдохнешь, — оборвал Рехи, гордясь своими познаниями и остроумием. Еще недавно его самого беспощадно шпыняли, но потом он собрал собственную подростковую ватагу.

«Если пить кровь не до смерти, то потом можно вернуться и напасть на тех же», — как-то раз предложил он. Кто-то поднял его на смех, кто-то махнул рукой, словно на слабоумного, но несколько эльфов прислушались. Они уже третий раз нападали на одно и то же стойбище. Убивали более слабых, очевидно, не слишком нужных людской стае. Обычно одного-двух, у остальных выпивали кровь, но не до конца. Источник корма оставался на старом месте, к которому вели проверенные тропы через перевал скалистых холмов.

Кажется, эти создания в шкурах мохнатых ящеров тоже нашли для себя удобные охотничьи угодья: недалеко находилось гнездо черных ящеров. Мясо и кровь, кровь и мясо.

Люди питались мясом. Эльфы — кровью. Больше их организмы ничего не принимали, а кровь ящеров оказалась слишком холодной для поддержания жизни в ледяных телах эльфов. Рехи помнил, как один сумасшедший попытался охотиться только на ящеров. Он кричал, что всем пора одуматься, потому что люди и эльфы — братья, а в Падении виноват какой-то Темный Властелин. Или он называл его иначе...

И какая разница, кто и в чем виноват, когда просто хочется есть, чтобы жить. Или жить, чтобы есть? Не так уж и важно, когда добыча на охоте и есть смысл жизни. А кому дело до далекого братства? Вряд ли люди отдали бы свою кровь добровольно, вспомнив какие-то древние времена. Эльфы зато не поедали друг друга даже в случае сильного голода, а люди — как придется. Голод правил миром.

А тот чудак убежденно говорил, что перестать пить кровь — единственный путь к возрождению. Возрождению чего? Чудак не говорил, зато настойчиво ловил мелких ящеров и пил их черную кровь. Он едва не обзавелся последователями. Да никто не пошел за ходячим трупом. Умирал он долго и мучительно, понемногу коченея день ото дня. Тело так и бросили у края холмов, где он застыл в нелепой позе: его задеревеневшие руки и ноги уже не гнулись.

На случай крайнего голода подошла бы любая кровь, но без горячей человеческой — хотя бы время от времени — никто долго не

мог протянуть. Только трехсотлетние старики жили до сих пор непонятно чем, застыв неподвижно среди зловонного тряпья. Рехи никогда не видел, чтобы их кто-то кормил. Они никому не приносили пользы. Но из деревни их не гнали: то ли уважали, то ли боялись, то ли сохраняли, чтобы послушать захватывающие байки из далекого прошлого.

А им, молодым, нужно было ходить через горные кручи, терпеть удары ветра, грозящего оторвать от узких карнизов, резать о скалы ноги. Зато люди не находили деревню эльфов. Хотя однажды попытались и заплутали в каменном лабиринте, напоролась на гнездо ящеров и сгнули. С тех пор они забились в свою деревню, очерились забором из камней и мусора, выращивали на песке грибы-колочки и надеялись, что «чудовища из-за перевала» не настигнут их.

Но Рехи упрямо возвращался, пролезал в узкие щели заграждений, рискуя напороться на острые шипы, ржавые осколки мечей и кинжалов. Говорили, после Великого Падения исчезли армии, но осталось много оружия: воткнутые в землю клинки, погнутые доспехи и рассыпающиеся кости устилали ковром целые равнины. Впрочем, старый металл с тычка крошился, а слепленный кое-как забор не служил преградой, особенно если поработать плечами и руками, расширяя себе лаз.

— Как пойдём на этот раз? Скрытно или нагло? — кинул своим Рехи, ухмыльнувшись.

— Давай скрытно, в деревне сейчас воины, — предложила Лойэ, отбрасывая белесые волосы со лба. Иногда Рехи казалось, что девочка — его отражение: такая же ловкая и ненасытная.

— Поумнели с предыдущего раза. Умная еда, чтоб их, — фыркнул Здравояк. Эльфы называли его так со скрытой насмешкой. Крови он пил не меньше и не больше, чем остальные, но бледная кожа почему-то висела на нем нездоровыми жировыми складками, а молодое лицо покрывали рытвины. Впрочем, внешность не играла большой роли, ведь своим глазам эльфы доверяли только наполовину. Вертикальные зрачки в обрамлении багряной радужки улавливали все в красноватых тонах, зато безотказно определяли расстояние до предметов. Так Рехи вычислил человеческую девушку, которая стояла спиной к забору, что-то переминая в глиняной крынке.

Рехи протиснулся через секретный лаз между скалой и забором и резко прыгнул. Как ни странно, люди до сих пор не заметили явную прореху. Гибкое тело эльфа раз за разом легко проникало через лаз в деревню. В прошлые набеги он несколько раз открывал главные

ворота своему отряду. Тогда они устраивали погром, бессмысленное пиршество удалства.

Теперь они просто намеревались получить свою долю пищи, потому что торопились. Клыки впились в шею девушки, она выронила крынку, из которой посыпались куски сырого мяса.

«Опять человечину едят... Видно, у ящеров период спячки, в пещерах затаились, — отметил Рехи, чувствуя запах, хотя все затмевал вкус горячей крови, брызнувшей в горло. — Интересно, это они своего убили? Из соседнего поселения утащили? Или какую-нибудь дохлятину больную едят?»

Поговаривали, что от паршивой крови эльфы умирали, мучаясь болезнями своих жертв. На памяти Рехи так загнулся один из сильнейших воинов их небольшой общины. Каждую охоту возникал этот подсознательный страх. Но стоило крови потечь вдоль клыков, как все мысли затопляло болезненным блаженством.

Другие члены отряда проникли вслед за вожаком. Прячась за хибарами и недовольно щурясь на пламя зловонных костров, они присматривали себе жертв. В этот раз вступать в противостояние с воинами деревни не хотелось, хотя каждый зажал в руке заточенный клык черного ящера в полруки длиной. Отряд присмотрел себе зазевавшихся девушек и глупых детенышей. Некоторым повезло меньше: кровь немощных стариков несла наибольшую опасность. Впрочем, за все вылазки никто из группы еще серьезно не пострадал ни от ран, ни от заразы. Вожак старался оберегать своих, но делиться добычей Рехи тоже не привык.

Он заломил руки трепыхающейся девушке. Когда голод немного отступил, Рехи вытащил добычу через лаз в заборе, не разжимая зубов. И уже тогда вогнал клыки поглубже в артерию. Кровь стекала по подбородку и шее, стирая нанесенные сажей ритуальные рисунки. Рехи этого уже не замечал, тело его приятно вздрагивало, набиралось новых сил, а жертва увядала. Раскрытый в беззвучном крике рот последний раз судорожно схватил воздух, темные глаза остекленели и подернулись мутной пленкой.

Тело девушки мешком упало в песок, подняв зыбкое облачко пепельной пыли. Рехи жадно добирал остатки крови с пальцев, по-звериному облизывал длинным языком подбородок. Он довольно урчал и прерывисто дышал от удовольствия.

«Наверное, не стоило убивать ее», — слегка упрекнул он себя. Но чем старше он становился, чем больше еды требовалось, тем сложнее оказывалось придерживаться принципов придуманного способа

охоты. Впрочем, о принципах в его мире уже давно никто не говорил. Все измерялось голодом и сытостью.

После пиршества на некоторое время всегда накатывало приятное безразличие, окружающий мир почти исчезал. Ни провонявшей тухлятиной деревни, ни ощерившегося пиками забора — ничего не существовало, хотелось свернуться в клубок и заснуть. Но приходилось одергивать себя, напоминать, что рваная туника из шкуры зеленого ящера не спасет от метких стрел человеческих охотников. И чутье вновь не подвело Рехи: судя по звуку, к деревне приближался отряд людей. Несся ядреный кислый запах человеческого пота, отчего накатывало омерзение. От эльфов так не воняло.

— Уходим, уходим! Вернулись воины! — крикнул Рехи. Двое уже покинули пределы стойбища, а Лойэ и Здоровяк все еще не отрывались от жертв. Их выгодно скрывала густая тень от большого шатра старейшины. Но люди уже начали замечать потери среди селян, по деревне прошел встревоженный гул. А отряд воинов с добычей приблизился к воротам, донесся сложный условный стук, по которому люди определяли своих.

Рехи самоотверженно кинулся обратно через лаз, отталкивая товарищей от слабо сопротивляющихся жертв. Они-то уже не могли навредить, а вот воины с настоящими мечами выкосили бы отряд молодых эльфов. Рехи поспешно схватил за плечо Лойэ, встряхнул ее, смяв серую робу из шкуры ящера.

— Ар-р! Ты свою доел! — безумно сверкнув алыми глазами, огрызулась девушка. Голод превращал ее в монстра. Она не привыкла терпеть, потому что ее отец раньше всегда добывал лучшую кровь для дочери. Кто-то ее любил, даже заботился о ней. Но когда она вступила в пору юности, отца убили, а гордячке пришлось выживать одной, и Рехи казалось, что без него она бы пропала. Или же он просто льстил себе.

— Уходим! Там воины! — решительно сгреб ее Рехи, выпихивая через лаз, сдирая о камни локти.

Только за воротами Лойэ поняла, какая им грозила опасность. Тяжело дыша, она с досадой слизнула кровь с губ — следы неоконченной трапезы. Отряду пришлось спешно кинуться в сторону громадины каменистых холмов, к заветному перевалу. К тому же буря на горизонте вставала черной тучей. Рехи подталкивал Лойэ в спину, но она локтем ткнула спутника в грудь:

— Я сама могу идти!

— Эльфы! Проклятые эльфы! Чтоб вас всех переели ящеры! — донесся вой из деревни, и кто-то зашелся тяжким воплем потери.